

212 НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Константин ВАСИЛЬЕВ*г. Санкт-Петербург*

*Гоголь, провинциальный пришелец в Петербурге –
в бедняцкой каморке под крышей,
но в новой шляпе за сто рублей*

1

Вспомним: читая что-либо о Гоголе – раздел в школьном или университетском учебнике, статью в энциклопедическом справочнике, предисловие к какому-либо из его сочинений, мы принимали на веру, что пишущие обладают достаточными знаниями, приводят достоверные сведения, понимают мировоззрение Гоголя и вникли в суть его творчества.

Однако со временем, сравнивая предисловия, примечания и жизнеописания, вышедшие в разные годы из-под пера маститых литературоведов и признанных гоголеведов, не говоря уже о любителях поразглагольствовать с умным видом о ком угодно и чём угодно, мы вправе усомниться в осведомлённости пишущих, в достоверности того, что они сообщали нам, и особенно в их беспристрастности. Человек, обладающий здравым мышлением, способный на самостоятельные выводы, имеет основания отказаться от каких-то общепризнанных характеристик и хрестоматийных оценок.

Не буду называть опошлением, считаю нелепостью то, что в школах отроки и отроковицы пов-

торяют бездумно уверенные фразы из учебника о жанре, сюжете, идее, смысле и значении гоголевских произведений – о том, что не поддаётся однозначному определению. В мои школьные годы мы прилежно переносили в тетрадки утверждения педагогических светил, что Николай Васильевич Гоголь ненавидел уродливый мир крепостников и царских чиновников и его карающая сатира «питала жгучую ненависть народа к своим поработителям и укрепляла силы революционных борцов. Она расшатывала вековые устои мертвящего деспотизма. <...> Каждая страница его книг – потрясающий обвинительный акт против правящей шайки злодеев, тюремщиков, мракобесов, душителей свободной мысли и творческой воли».

Те, кто желал расширить свои познания о Гоголе, обращались к книге А. Н. Степанова, вышедшей в издательстве «Просвещение» в 1966 году: «Николай Васильевич Гоголь. Биография писателя». Автор и издатели открывали глаза – моему поколению учеников, студентов, словесников, всем любителям русской литературы – на неприглядную картину действительности, которую узрел будущий писатель, приехав в Петербург, где сразу испытал

горечь лишений. Привожу отрывок из означенного жизнеописания:

«Петербург неласково встретил юного Гоголя. Николаевская столица – средоточие бюрократии, тупой военщины и полицейского аппарата произвела на него гнетущее впечатление. «Тишина... необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, всё служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, всё подавлено, всё погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их», – писал он родным. Такова была неприглядная картина столичной действительности, с отвратительными сторонами которой так близко пришлось столкнуться Гоголю уже в первые месяцы пребывания в Петербурге.

В короткое время развеялись радужные надежды, связанные с государственной службой. «На меня напала хандра или другое подобное, и я... сижу, поджавши руки, и ничего не делаю. Не от неудач ли это, которые меня совершенно обравнодушили ко всему», – сообщал Гоголь матери.

Голенищев-Кутузов, к которому обратился Гоголь за помощью, отделался от него одним обещанием. На этом закончилось участие приятеля Троицкого в устройстве судьбы Гоголя. Он по-прежнему оставался без места, без денег. Будущий писатель познал всю горечь лишений, нужду, голод и холод. Небольшая каморка, в которой он поселился, находилась под самой крышей, но и это жилище петербургских бедняков было для него дорого».

Каково: нужда, голод, холод, бедняцкая каморка под крышей!

Казалось бы: не читай и не повторяй этот вздор, обратись к иным источникам информации, выслушай других знатоков. Иные источники имеются в изобилии сейчас, иные мнения смело высказываются сегодня, а в то время в Советском Союзе учебная программа согласовывалась с единственно верным учением, то есть марксизмом-ленинизмом, власти настаивали на единстве взглядов и высказываний – в политике, образовании и науке, так что освещение исторических событий и обрисовка известных личностей не отличались разнообразием, ибо осуществлялись с тех же марксистско-ленинских позиций.

Товарищ Степанов, конечно, согласовывал свою работу с редакцией.

«Просвещение», государственное издательство, доверило ему написать о Гоголе, и он написал то, что от него требовалось и ожидалось. По нашему тогдашнему пониманию, учебные пособия тщательно подготавливались, в них не допускалось неправдивое изложение событий. Автором являл-

ся кандидат филологических наук и сотрудник Пушкинского дома, и не простой, а директор библиотеки в означенном славном учреждении. Уж он-то, располагая документами и материалами, доступ к которым простым смертным заказан, знает, о чём пишет!

В целом, советские люди очень доверяли печатному слову. Вплоть до полного отказа думать своей головой, приходило к своим умозаключениям и иметь собственное мнение.

2

Выбранные места из учебных пособий шестидесятых и семидесятых годов прошлого века являлись продолжением того или перекликались с тем, что говорилось ранее, например, в первом издании Большой советской энциклопедии: в обширной статье о Николае Васильевиче Гоголе с таким же напором утверждалось о его лишениях в начале петербургского периода:

«Петербург принимает провинциальных пришельцев отнюдь не ласково. Гоголю <...> приходится познакомиться с самой настоящей нуждой. Из Васильевки не могут высылать ему даже необходимого прожиточного минимума. Мечты начинают линять, и ему приходится искать работы уже не для славы, а для денег. Но и это оказывается далеко не лёгкой задачей».

Провинциальными пришельцами названы Николай Гоголь и его друг Александр Данилевский. Добавлю то, что далеко не всегда принимается во внимание: при Гоголе находился слуга, крепостной человек. В письме от 3 января 1829 года, вскоре после приезда, Николай отписывал матери, что они сняли квартиру за восемьдесят рублей в месяц – из двух комнат, вовсе не каморку под крышей. В дороге он потратил триста рублей с лишком, приобрёл в Петербурге фрак и брюки за двести рублей, отдал сотню за шляпу, сапоги и перчатки, переделал шинель, купив для неё новый воротник, потратился на извозчиков и прочие необходимые мелочи... Это нужда, голод и холод?

Автор энциклопедической статьи, как и составители учебных пособий не могли не знать первое письмо Гоголя из Петербурга. Но люди, читая одни и те же документы, воспоминания и свидетельские показания, делают разные выводы – ибо у всех разный склад ума, неодинаковое восприятие, дают себя знать внушаемость и предубеждённость. В данном случае сильнейшим образом сказались понятия, сложившиеся после коммунистической Революции и укоренившиеся за советский период – они сказываются до сих пор.

В энциклопедической статье усматривается задача показать, что бедствия молодого Гоголя, ведомого свободолюбца и чуть ли не борца с самодержавием, проистекали от несправедливостей, лежащих в основе тогдашнего государственного строя: народ в России был забитым, бедным, неграмотным; если кто боролся за народное счастье, за святую волю, если кто выступал против крепостничества, тех ссылали на каторгу – вспомните декабристов! В качестве неоспоримого доказательства нам постоянно приводили слова Пушкина о гнёте власти роковой. И коли вся страна под гнётом, стоит ли удивляться полному пренебрежению царских властей к прибывшему в Петербург юному таланту, к нашему великому Гоголю? Он прибыл с радужными надеждами, имея желание служить отечеству, но оказался в стане бюрократии, тупой военщины и полицейского аппарата. И даже прожиточного минимума никто ему не обеспечил!

3

Восстановить все факты любой биографии не представляется возможным. Когда исследованию подвергается известная личность, нельзя не делать скидку на то, что часть собранного и опубликованного материала является выдумкой. В случае с жизнеописаниями Гоголя мы замечаем противоречия даже в событиях и датах. Одно из очевидных объяснений в том, что современники брались за воспоминания через годы после своих встреч с писателем. Кто-то забыл, кто-то перепутал, страдая провалами в памяти. Кто-то, дабы придать значимость собственной персоне, приукрашивал историю своего знакомства, которое, возможно, состояло в обмене несколькими незначительными фразами. Приведу пример, когда провал в памяти сочетается с пустяком, возведённым в знаменательное событие.

Барон Андрей Иванович Дельвиг, встретивший Гоголя в гостях у Петра Александровича Плетнёва, возвращаясь домой, оказал писателю услугу, о чём он и повествует в своих «Воспоминаниях», изданных в 1880 году: «Гоголь жил в верхнем этаже дома Зайцева, тогда самого высокого в Петербурге, близ Кокушкина моста, а так как я жил в доме Дружинина, вблизи того же моста, то мне иногда случалось завозить его».

Названный мост через канал Грибоедова – известная петербургская достопримечательность. Помните: Достоевский в самом начале известного романа рассказывает, как Раскольников, выйдя из своей каморки, направляется к Кокушкину мосту.

В «Записках сумасшедшего» главный герой, Поприщин, следуя за дамами с говорящей собачкой, тоже оказывается около означенного моста.

Гоголь действительно обитал какое-то время в указанном квартале, но самый высокий дом в городе принадлежал купцу Зверкову. Дамы с собачкой проживали в зверковской махине – в квартире на пятом этаже: Гоголь привязал литературный вымысел к одному из своих петербургских адресов.

Дельвиг забыл фамилию домовладельца. В памяти, видимо, осталось что-то, связанное с животными: Лисьев? Медведев? Кажется, Зайцев! Мимолётная встреча инженера Дельвига и литератора Гоголя не получила никакого продолжения. Вернее, барон поведал в тех же «Воспоминаниях», что однажды они снова оказались, по воле случая, близости друг от друга, и простодушный рассказ Дельвига доказывает, по-моему, что его показаниями можно пренебречь, ибо они не содержат ничего существенного: «Когда уже была напечатана первая часть «Мёртвых душ», я встретился с Гоголем в Москве у сапожника Таке, у которого он очень хлопотал о том, чтобы сапоги ему были красиво сшиты, и в тот же день в английском клубе, где мы сидели на одном диване. Не узнал ли он меня или не хотел узнать, но мы не говорили друг с другом, как в этот раз, так и во все следующие наши встречи в Москве».

В Петербурге барон Дельвиг, возвращаясь из гостей от Плетнёва, подвёз Гоголя до Кокушкина моста; потом в Москве они сидели на одном диване, не обменявшись даже кивком головы: Гоголь или не обратил внимания, или притворился, будто не узнаёт случайного соседа. Моё пренебрежение к зачитанным показаниям Дельвига идёт вразрез с трепетным отношением опытных гоголеведов к любому слову о великом писателе.

Откроем книгу «Гоголь в жизни»: среди множества материалов, собранных Викентием Викентьевичем Вересаевым, мы находим и зачитанные выдержки из «Моих воспоминаний» Дельвига, которые названы в примечаниях ценными мемуарами. Труд Вересаева, вышедший в 1933 году в издательстве «Academica», имеет подзаголовок: «Систематический свод подлинных свидетельств современников». Вересаев предупреждает нас, что к некоторым свидетельствам следует относиться с осторожностью, но, поскольку они были всё же внесены в академическое издание, поскольку в подзаголовке сказано о подлинности собранных показаний, барон Дельвиг со своим Зайцевым вместо Зверкова прочно присоюкупился к документам по гоголеведению.

4

Знакомство Дельвига с Гоголем, если можно назвать это знакомством, произошло в 1831 году, когда писатель квартировал у Зайцева – простите, у Зверкова, а сразу по приезде в Петербург, как мы читали и читаем в большинстве справочников, Гоголь поселился в доме Трута на Екатерининском канале. Делаю выписку из современного путеводителя по Петербургу: «В доме № 72 по набережной канала Грибоедова (бывший Екатерининский канал) Николай Васильевич Гоголь жил в начале 1829 года вместе с приятелем А. С. Данилевским, с которым они вместе приехали в Петербург».

Теперь предлагаю вчитаться в письмо, единичную цитату из коего – по поводу хандры – использовал удачно товарищ Степанов в своём пособии для учащихся. Гоголь, пока что не известный писатель, а безвестный провинциальный пришелец, каких были сотни и тысячи, сообщает матери 3 января, то есть как раз в начале 1829 года.

«Я много виноват пред вами, почтеннейшая маминька, что не писал вам тотчас по моем прибытии в столицу. На меня напала хандра или другое подобное, и я уже около недели сижу, поджавши руки, и ничего не делаю. Не от неудач ли это, которые меня совершенно обравнодушили ко всему. Из числа их первая, что Лог. Иван. Кутузов был во всё это время опасно болен, и я до сих пор не являлся. Теперь узнал я, что ему легче, и послезавтра предстану. Из прочих же, к кому письма имел, нашёл одного только Ив. Косяровского, от которого думал выведать несколько сведений насчет житья в Петербурге. Но он хотя живет здесь долго, но столько же знает толку, сколько и всякой провинциал, не понимаю, как они живут здесь, ничего не видя и не слыша. <...> Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы. Жить здесь не совсем по-свински, то есть иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. <...> Это все заставляет меня жить, как в пустыне, я принужден отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр. Если я пойду раз, то уже буду ходить часто, а это для меня накладно, то есть для моего неплотного кармана. В одной дороге издержано мною триста с лишком, да здесь покупка фрака и панталон стоила мне двух сот, да сотня уехала на шляпу, на сапоги, перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мело-

чи, да на переделку шинели и на покупку к ней воротника до 80 рублей. <...> Ваш покорнейший, навек вам преданный сын Н. Гоголь».

В конце письма Гоголь сообщает маминьке свой адрес, только это вовсе не дом аптекаря Трута:

«3-й Адмиральтейской части на Гороховой улице подле Семеновского моста в доме купца Галибына под № 130».

По моим сведениям, купца звали Николай Ефимович Галибин, так что Галибын у Гоголя – ошибка. Номер 130 относится не к постройке, а к земельному участку – так было принято в те времена указывать адреса в Петербурге, и это вносит дополнительные трудности, когда кто-то привязывает прошлые события к нынешним городским ориентирам. В одних справочниках, как мы только что услышали, первым петербургским местожительством Гоголя называют номер 72 по каналу Грибоедова, другие утверждают, что аптекарю Труту принадлежал дом под номером 74. Будущий писатель снял – при своём неплотном кармане – сразу две квартиры? Они с Данилевским заплатили восемьдесят рублей Галибину, но обрелись в доме Трута?

5

Сам Николай Васильевич, большой выдумщик не только в художественных произведениях, но и в общении с родственниками и знакомыми, оставил на память потомкам узелки, распутыванию не поддающиеся.

Суммы, приводимые в зачитанном письме, лично у меня вызывают недоумение; по крайней мере, они нуждаются в тщательной проверке. Мать, Мария Ивановна Гоголь-Яновская, в девичестве Косяровская, отправляя сына Николеньку в дорогу, обеспечила его всем необходимым, но он словно полуголый и босой прибыл в пункт назначения: срочно купил фрак, панталоны, шляпу, сапоги, перчатки. Юноша, уезжая из родной Васильевки, заявлял о своём намерении служить на поприще юстиции; вообще, по его словам, он «пламенел неугасимой ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства». Но, прибыв в столицу, он как будто не о службе думает, а, купив новый фрак, спешит окунуться в светскую жизнь, посещать театр... При неплотном кармане он выложил сто рублей за какую-то шляпу и сапоги? Зачем ему шляпа в январские морозы? Потом, молодой человек, утверждая, что около недели сидит дома, поджавши руки, противоречит сам себе: устроившись с жильём, он съездил к Ивану Петровичу Косяровскому, двоюродному дяде, побывал у Логгина Ивановича

Кутузова, к которому имел рекомендательное письмо, он успел приобрести перечисленный гардероб, заказал портному переделать шинель и купил для неё воротник, у него уже сложилось представление о Петербурге: не такой уж это красивый и великолепный город!

Юный Гоголь явно выжимает из маминки слезу: жизнь в Петербурге, о котором кое-кто распускал лживые слухи, весьма недешёвая. За восемьдесят рублей он получил одни стены, дрова и воду, в театр ему не сходить, так что пусть мать, которая, конечно, не допустит, чтобы сын жил по-свински, питаясь щами да кашей, услышав, что сын прозябает, как в пустыне, срочно высылает дополнительные деньги!

Те гоголеводы, которые верили безусловно всему, что изрёк Гоголь, ужасались, на основании письма, тогдашней столичной дороговизне, они и нас приглашали разделить с ними негодование по поводу бедственного положения, в коем оказался великий литератор – не по своей, а по чьей-то вине, но давайте, в ужас не впадая, сравним с расходами Гоголя ровно через год – когда он проживает на том же Екатерининском канале, только по другому адресу, который он сообщил матери в ноябре 1829 года в следующем написании: «у Кукушкина моста, в доме Зверькова, комната под № 16».

С ноября имя Гоголя связано с домовладельцем Иваном Матвеевичем Зверковым – которого барон Дельвиг выставил по ошибке Зайцевым. Свои декабрьские расходы Николай Васильевич уже без атральных восклицаний и без литературного сгущения красок изложил арифметически: «За квартиру 25 рублей. На стол 25 рублей. <...> На чай, сахар и хлеб 20 рублей. <...> На сапоги 10 рублей. Прачке 5 рублей. На содержание человека 10 рублей...»

Человек, как я понимаю, это крепостной слуга Яким. В том же декабре 1829 года Гоголь отдал за мытьё полов полтора рубля, цирюльнику тоже полтора, почти четыре рубля израсходовано на лекарство. В январе 1830 года помимо таких же основных расходов Гоголь купил свечей на два рубля и приобрёл перчатки за три рубля... Укрепляется наше подозрение, что годом раньше, тотчас по приезде, он сильно преувеличил стоимость шляпы, которая обошлась ему, вкуче с сапогами, перчатками и какими-то дрянными мелочами, в сотню рублей. Если он вообще её покупал.

6

Большая советская энциклопедия совершенно серьёзно представляла дело так, что Гоголь был знаменем, под которым живые силы русского

общества «вели наступление на твердыни крепостничества. Гоголь становится кумиром всех, в ком горел огонь ненависти к крепостному рабству, кому дорог был идеал свободы...»

Если уж такой сильный нажим на крепостничество, если уж Гоголь выставлен таким борцом против помещичьих твердынь, меня тянет заострить внимание на том, что Гоголь, не скупясь на шляпы, сапоги, перчатки и прочие дрянные мелочи, пользуясь услугами прачки и поломойки, навещая парикмахера, выделял из своих месячных расходов всего десять рублей на содержание человека, на своего слугу Якима, пребывавшего, коли на то пошло, в упомянутом крепостном рабстве.

По сообщению Вересаева, у родителей Гоголя было «около двухсот душ крепостных крестьян и более тысячи десятин земли». Так что люди, писавшие статьи вроде той, которая украсила Большую советскую энциклопедию, ужасались неправомерно, негодовали необоснованно, судили ошибочно и вводили нас в заблуждение – по собственному заблуждению или же намеренно. Они воспринимали сведения, дошедшие до них из дореволюционных изданий, по уродливо сформировавшемуся мировоззрению и освещали их по тупо скроенным идеологическим шаблонам, опуская то, что в шаблон не вписывалось.

Сам Гоголь был и чувствовал себя помещиком. И видел своё божественное предназначение в том, чтобы напоминать крепостным крестьянам об их предназначении, тоже божественном: трудиться в поте лица на своих господ. Первого мая (по новому стилю) 1846 года он в письме матери и сёстрам даёт всем по очереди советы и распределяет задания. Сестре Ольге он поручает:

«В первый хороший день отправляйся на поле и пробудь хотя день при работах сама, для того чтобы видеть <...> кто работает ленивее, а кто прилежнее <...> чтобы видеть, умеют ли мужики повиноваться и слушаться приказчика. Ленивому ты должна говорить, что он может заработать больше, а именно столько-то, потому что при твоих собственных глазах такой-то мужик заработал столько, стало быть, и он может столько же, стало быть, грех ему так не делать, что ты ему потому приказываешь и велишь, что Бог приказал трудиться усердно. Он сказал: «В поте лица трудитесь!» Стало быть, это грех, и с помещика за то взыщется...»

Совершенно искренне Николай Васильевич полагал, что помещику придётся отвечать перед Богом, если он, помещик, станет потакать ленивым работникам. Так что ленивые пусть подтягиваются, пусть следуют примеру тех, кто полноценно выкла-

дывается, трудясь на своего барина! Далее Гоголь объясняет сестре суть повиновения: «Чтобы они слушали приказчика и умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их, потому что нет власти, которая была бы не от Бога. Словом, так говори с ними, чтоб они видели, что, исполняя дело помещичье, они с тем вместе исполняют и Божье дело».

Мать, сёстры и крепостные мужики, исполнявшие помещичье и Божье дело, пребывали в селе Васильевке, что в Полтавской губернии, а Николай Васильевич, в том 1846 году уже известный литератор, слал им свои полезные и, по его мнению, богоугодные наставления из Рима, что на Апеннинском полуострове. После Рима он собирался сделать большую дорогу по Италии, Германии, Голландии и «поспеть вовремя в Греффенберг на лечение холодной водою, которое мне все-таки немного помогло в прошлом году <...>. Средства простые мне всегда помогали, как то: дорога, воздух и холодная вода; лекарства же только расстраивали, а потому я давно их бросил, уверившись, что один Бог наш доктор и что его одного должно молить о излечении. <...> Прошу вас молиться не о том, чтобы мне совершенно излечиться, а о том, чтобы мне поданы были свыше силы переносить легко недуги и чтобы не мешали они мне выполнить долг свой».

Гоголь как-то сделал набросок на отдельном листе бумаги, видимо замыслив объяснить современникам и потомкам, что такое долг, но дело ограничилось двумя строчками: «Долг – Святыня. Человек счастлив, когда исполняет долг. Так велит долг, говорит он, и уже покоен». Кто-то приходит в умиление от очередного великого высказывания, особенно узрев слово святыня, и усматривает здесь духовные искания, я же слышу спорное заявление, которое может взять себе на вооружение кто угодно; люди, уничтожавшие соседние племена или истреблявшие инакомыслящих в своём племени, тоже считали, что выполняют свой священный долг.

Гоголь, очевидно, считал частью своего долга внушать крепостным мужикам на Полтавщине, чтобы они помнили своё божественное предназначение, трудились прилежно и повиновались, даже если над ними начальствует дрянная личность, и пусть ленивые прислушиваются к увещаниям и выполняют те же производственные нормы, с какими справляются мужики работающие.

В апреле 1849 года Гоголь, вернувшийся в Москву, шлёт сёстрам схожие советы и душеспасительные назидания:

«Прошу вас почаще выезжать смотреть самим на посев и все полевые работы. <...> Если не любите

хозяйничать, по крайней мере, взгляните. Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труды рук их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас Бог, насылая на нас голод, невзгоды и всякие болезни, лишая нас даже и скудных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что они в мире затем, чтобы трудами снискивать хлеб и в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек...»

Предвижу возражения тех, кто создаёт себе кумиров и склонен к чрезмерной восторженности: мол, если взять настоящего помещика-крепостника, подвластные ему мужики никогда ласкового слова не слышали, он не прощал им недоимки, он прикажет, и лентяя высекут, а Гоголь по-доброму относился, по-человечески, по-христиански, со ссылками на Священное писание! Соглашусь, что Николай Васильевич не был сторонником рукоприкладства – по крайней мере, он сам не раздавал зуботычин и не советовал благородным господам распускать руки, считая, что для физического воздействия, дабы съездить в рожу, имеется достаточно умелых мастеров из низших сословий. В «Выбранных местах из переписки с друзьями», а именно в главе «Русский помещик», об этом глаголется следующим образом:

«Мужика не бей. Съездить его в рожу еще не большое искусство. Это сумеет сделать и становой, и заседатель, даже староста; мужик к этому уже привык и только что почешет слегка у себя в затылке. Но умей пронять его хорошенько словом; ты же на меткие слова мастер. Ругни его при всем народе, но так, чтобы тут же обсмеял его весь народ; это будет для него в несколько раз полезней всяких подзатыльников и зуботычин. Держи у себя в запасе все синонимы молодца для того, кого нужно подстрекнуть, и все синонимы бабы для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лентяй и пьяница есть баба и дрянь. Выкопай слово еще похуже, словом – назови всем, чем только не хочет быть русский человек. В комнате не засиживайся, но появляйся почаще на крестьянских работах. И, где ни появляйся, появляйся так, чтобы от твоего прихода глядело все живе и веселей, изворачиваясь молодцом и щеголем в работе. Поддай и от себя силы словами: «Прихватим-ка разом, ребята, все вместе!» Возьми сам в руки топор или косу; это будет тебе в добро и полезней для твоего здоровья всяких Мариенбадов, медицинских муционов и вялых прогулок».

Сам Гоголь за косу не хватался, с топором в руках перед мужиками не позировал, молодцом и щеголем на полевых работах не изворачивался, и поль-

зу для своего здоровья он искал именно в Мариенбадах и Греффенбергах. Три года он колесил по Европе, посетил множество известных европейских городов, отдавая предпочтение приморским и курортным, он гостевал у обеспеченных особ и знался исключительно со знатными господами, он вёл оживлённую переписку с известными литераторами; в начале 1848 года мы видим его на пути в Палестину, где, по его мнению, молитвы приобретают особенное звучание и силу... Поездку Гоголя в Святую землю и его постоянное поминание Бога я оставляю для тех, кто исследует и живописует духовные искания великого литератора, а мы возвращаемся к его петербургскому периоду, к первым дням в столице, преследуя свою узкую цель показать противоречивость дошедших до нас сведений, не позволяющих делать однозначные выводы.

7

В учебном пособии от издательства «Просвещение» пережёвывалось многожды пережёванное, только его приправили особо ядовитыми выпадами против общественного устройства в тридцатые и сороковые годы девятнадцатого века. Гоголь действительно со своей склонностью к преувеличениям и карикатуре, выразился по поводу столичного населения: «Всё погрязло в бездельных, ничтожных трудах». Но Степанов, автор пособия, выбрал только одну, ему подходящую цитату из длинного письма, написанного Гоголем 30 апреля 1829 года. Это одно из тех посланий, по поводу коих Владимир Иванович Шенрок, известный историк литературы, заметил, что при значительном объёме они содержали много недомолвок и неясных сообщений. Мы, в отличие от Степанова, обратили внимание на другое: Гоголь пробыл четыре месяца в Петербурге (с конца декабря по конец апреля), но к служению отечеству ещё не приступил. Он снова жалуется матери на сильную нужду, которая, впрочем, заключается в том, что он питается не слишком роскошно и отказывается почти от всех удовольствий. Он тратит не менее ста двадцати рублей в месяц. Сравним: в тот период средний чиновник в какой-либо канцелярии получал от четырёхсот до шестисот рублей – в год. Николай Гоголь свысока, почти презрительно отозвался о служащих, погрязших в ничтожных трудах. Многие из нас, вздохнув, могут принять его слова на свой счёт: и мы издерживаем свою жизнь в каких-то конторах на низших должностях, и это участь всех обычных людей в любое правление, включая царское и коммунистическое, во все времена, включая сегодняшнее.

Столица Российской империи не встретила Николеньку Гоголя хлебом-солью и красной ковровой дорожкой, никто не бросился обеспечить ему, полтавскому помещику, прожиточный минимум, и тому есть простое объяснение: он явился в Петербург ничем не примечательной личностью. Даже в родных местах мало кто подозревал талант в Гоголе или предвидел его успехи на литературной стезе. Василий Игнатьевич Любич-Романович, окончивший Нежинскую гимназию в 1826 году, вспоминал младшего товарища:

«Мы в то время, когда знали Гоголя в школе, не только не могли подозревать в нём великого, но даже не видели и малого. Хотя его школьные успехи шли наравне с нашими, но это ещё не давало нам повода думать, что в нём обнаружится литературный талант. Этого не замечали также и наши учителя. То, что нам было известно из гоголевских литературных произведений, не внушало никакого доверия, что Гоголь когда-нибудь станет великим писателем».

Софья Васильевна Капнист, по мужу Скалон, тоже утверждала, что ничего особенного в юном Гоголе не угадывалось. Приведу отрывок из её «Воспоминаний», напечатанных в 1891 году: «Помню Гоголя и молодым человеком, только что вышедшим из Нежинского лицея. Он так же был серьёзен, но только с более наблюдательным взглядом. Ехав в Петербург и прощаясь со мною, он удивил меня следующими словами: «Прощайте, Софья Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мне не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее». Эта самоуверенность нас удивила в то время, как мы ничего особенного в нём не видели».

И сам Гоголь, судя по его более позднему признанию, не берусь судить, насколько искреннему, не помышлял о литературном поприще: «В те годы, когда я стал задумываться о моем будущем, мысль о писательстве мне никогда не входила в ум...»

В Большой советской энциклопедии прозвучало утверждение, что Гоголю, провинциальному пришельцу, пришлось искать работу для денег. В справочнике «Гоголь в Петербурге» сведения подаются примерно в таком же ключе: мол, ещё будучи лицеистом, он «мечтал о служении для блага государства на поприще юстиции именно в Петербурге, где будет жить в весёлой комнатке окнами на Неву. <...> Молодому человеку пришлось испытать нужду и все тяготы, связанные с жизнью в большом городе без родных и близких, без поддержки и опоры».

Выслушав в очередной раз эту галиматью о нужде, о каких-то тяготах, о пренебрежении властей к талантам, о жалком положении провинциального

пришельца, предлагаю не забывать, что, в отличие от многих других пришельцев, Гоголь имел слугу, служившего ему лакеем и поваром; он прибыл в столицу с другом, Данилевским; что касается поддержки и опоры, то материн родственник, Дмитрий Прокофьевич Трощинский, бывший министр юстиции, в своё время весьма влиятельный человек, доживавший свой век в имении Кибинцы (что в нынешнем Миргородском районе Полтавской области), снабдил Николеньку рекомендательным письмом, которое нужно было, прибыв в Петербург, сразу отнести по указанному адресу и передать указанной особе, и как я понимаю, указанная особа, а именно Логгин Иванович Кутузов, уже знавший от Трощинского о существовании Гоголя и его вроде как искренних намерениях служить для блага государства, ждал юношу и был готов способствовать его устройству на службу.

Дабы не оставалось никаких сомнений, что восклициания о сиротливом положении Гоголя в Петербурге являются неправдой, напомним слова Марии Ивановны в послании, отправленном 16 декабря 1828 года Петру Петровичу Косяровскому, двоюродному брату. Назвав Д. П. Трощинского нашим благодетелем, она сообщает, что тот «написал письмо к своему другу Кутузову о моём сыне, в котором назвал его своим родственником и просил принять в своё покровительство. <...> При мне получил Дмитрий Прокофьевич ответ на первое своё письмо по выезде уже Николеньки и дал мне прочесть. <Кутузов> благодарит за доставление случая сделать ему удобное и заключает письмо тем, что он с нетерпением ожидает Николая моего, которому хочет быть другом и путеводителем в его жизни... По милости благодетеля мой сын приедет в столицу не как бесприютный сирота, но как родственник будет принят в доме немаловажного человека».

Дмитрий Прокофьевич Трощинский, вельможа и бывший министр, оказывает покровительство выпускнику Нежинской гимназии. В Петербурге его, выпускника, с нетерпением ожидает Кутузов, немаловажный человек, обещая быть ему другом и путеводителем. В столице у Гоголя имелся и родственник – Иван Петрович Косяровский, приходившийся ему двоюродным дядей. Мы ведь читали в письме от 3 января 1829 года: племянник ходил к нему в гости, но дядя ему не приглянулся, ибо «знает в петербургском житье столько же толку, сколько всякий провинциал».

В своей книге «Ученические годы Гоголя», изданной в 1887 году, Шенрок выразился так, что молодой Гоголь изливает досаду на Косяровского, не набравшемуся столичных манер; как я думаю, Го-

голь не счёл нужным поддерживать в дальнейшем родственные отношения, ибо Косяровский, небогатый помещик, поступивший в Петербурге на службу, не предложил племяннику материальной помощи. Зато Николенька станет со временем бурно расхваливать Андрея Андреевича Трощинского, богатого родственника: тот, наследник Дмитрия Прокофьевича, ссужал его деньгами; в 1830 году Гоголь в письме домой, снова сбиваясь на жалобный тон, величает Трощинского редким благодетелем: «До сих пор я жил одним его вспомоществованием. <...> Деньги, которые я выпрашивал у Андрея Андреевича, никогда не мог употребить на платье, потому что все они выходили на содержание, а много я просить не осмеливался...»

Нужно иметь, как говорят в народе, мозги набекрень, чтобы из озвученных показаний сделать вывод о сиротливом положении юного Гоголя без родных и близких, о его борьбе за существование без поддержки и опоры, да ещё – мне не отделаться от определений в старом школьном учебнике! – когда вокруг тебя злодеи, тюремщики, мракобесы и душители свободной мысли.

Шенрок сообщал по ходу дела, в сноске, что письмо Дмитрия Прокофьевича было в числе других рекомендательных писем. Гоголя ждали в Петербурге ещё какие-то покровители?

8

Требуются всё новые и новые уточнения, которые мы выискиваем теперь в «Материалах для биографии Гоголя», собранных тем же трудолюбивым Шенроком (первый том издан в 1892 году). От Шенрока мы узнаём, что Гоголь с Данилевским прибыли в Петербург не в начале 1829 года, а в последних числах 1828-го. Он же, Шенрок, приводит рассказ Данилевского, где назван первый петербургский адрес Гоголя – и эти показания без перепроверки повторяли затем авторы статей, составители справочников и путеводителей:

«На последней станции перед Петербургом наши путники прочли объявление, где можно остановиться, и выбрали дом Трута у Кокушкина моста, где и пришлось Гоголю проскучать несколько дней в одиночестве, пока Данилевский, не будучи в состоянии устоять против соблазна и оставив его одного, пустился странствовать по стогнам Северной Пальмиры».

Шенрок имел в своём распоряжении письмо Гоголя от 3 января 1829 года, но по какой-то причине он доверяет показаниям свидетеля, то есть Данилевского, а не приписке самого Гоголя в конце письма, что приятели сняли жильё за восемьде-

сят рублей в доме купца Галибина – не на Екатерининском канале возле Кокушкина моста, а на Гороховой улице возле Семёновского.

На воспоминаниях Данилевского строится и следующий рассказ Шенрока о первых впечатлениях и волнениях в незнакомом городе:

«Гоголь совершенно не мог прийти в себя; он страшно волновался и за своё пылкое увлечение поплатился тем, что схватил насморк и лёгкую простуду. Но особенно обидная неприятность была для него в том, что он, отморозив нос, вынужден был первые дни просидеть дома. Он чуть не слёг в постель, и Данилевский перепугался было за него, опасаясь, чтоб он не разболелся серьёзно. От всего этого восторг быстро сменился совершенно противоположным настроением, особенно когда их стали беспокоить страшные петербургские цены и разные мелочные дрязги».

То, что Гоголь первые дни просидел дома – с отмороженным носом или по меньшей мере с лёгкой простудой – вроде как подтверждает слова Николая в письме к матери: «Я уже около недели сижу, поджавши руки, и ничего не делаю». Но это никак не согласуется с тем, что он побывал у дяди, ездил ещё по каким-то адресам, отметился у Кутузова и узнал о его болезни, в каких-то магазинах купил одежду, где-то заказал портному переделку шинели и по мере своих передвижений заметил, что Петербург не такой уж красивый и великолепный город.

Мне следует смягчить свои выпады против советских гоголеведов. Они, рисуя нам чуть ли не нищенское положение Гоголя по прибытии в столицу, повторяли, в общем-то, со своими преувеличениями и сгущением красок, выводы, сделанные в давнее время Шенроком, который поверил преувеличениям в письмах Гоголя, отправленных матери из Петербурга. Шенрок подхватил и раздул слова Гоголя о страшных петербургских ценах, о каких-то дрязгах, он искренне сокрушался о нужде молодого провинциала: «Нужда Гоголя доходила до того, что он всю зиму отхвatal в летней шинели».

Что-то совсем не сходится: ведь юноша приспособил шинель к холодам, купив к ней воротник. Фраза какая-то хлестаковская, вам не кажется: отхвatal зиму в летней шинели. Хлестаков, правда, не приbedнялся, а, наоборот, сильно приукрашивал своё положение. Помните, он разливаеся соловьём, что дома у него: «На столе, например, арбуз – в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа <...>. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский

посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишья, играя, что просто ни на что не похоже. Как избежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж – скажешь только кухарке: На, Маврушка, шинель... – Что ж я вру – я и позабыл, что живу в бельэтаже. <...> А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели <...> Иной раз и министр <...>. Один раз я даже управлял департаментом...»

В комедии «Ревизор» провинциальное общество приняло за чистую монету хвастливые восклицания Хлестакова, а литературовед Шенрок с чрезмерным доверием отнёсся к следующим словам Гоголя из письма, в коем тот жалуется матери, что у него нет «даже тёплого плаща, необходимого для зимы. Хорошо еще, я немного привык к морозу и отхвatal всю зиму в летней шинели». Мы уже держали в руках это послание, составленное в апреле 1830 года: в нём Гоголь сообщал, что живёт одним вспомоществованием от Андрея Андреевича Троицкого и издерживает по сто рублей в месяц. Прошёл год с лишком, как провинциальный пришелец в Петербурге, но его новые сетования очень похожи на прошлогодние январские:

«Сокративши все возможные издержки, выключая только самых необходимейших для продолжения жизни, никого никогда у себя не принимая, не выходя никогда почти ни на какие увеселения и спектакли, отказавшись от любимого моего развлечения – от театра, и за всем тем я никаким образом не могу издерживать менее 100 рублей в месяц <...>. Сюда я не включаю денег, следующих на платье, на сапоги, на шляпу, перчатки, шейные платки и тому подобное, чего наберется не менее как на 500 рублей».

Опять про сапоги, перчатки... Про шляпу! Правда, в этом же письме сын сообщает матери, что ему удалось наконец сыскать место. Идёт речь о том, что 10 апреля 1830 года Гоголь зачислен канцелярским служащим, если точно, писцом, в Департамент уделов, где ему обещано шестьсот рублей – это годовое жалованье, и оно ещё впереди, а на платье деньги требуются сейчас, так что добрейшая из матерей пусть снова их высылает. На месте Марии Ивановны другая мать пришла бы в негодование: сынок, а куда делись предыдущие шляпы, перчатки и сапоги и что случилось с прошлогодней шинелью, к которой ты заказывал воротник от петербургских холодов? Если канцеляристы в Петербурге получают пятьсот-шестьсот рублей в год, а кто и меньше, и как-то обходятся, не нищенствуя, по каким причинам и на каких основаниях ты тратишь по сто рублей в месяц?

Хлестаков спохватывался: «Что ж я вру...» Неловко употреблять этот же глагол по отношению к великому писателю Гоголю, поэтому скажу: Гоголь сочинял и приbedнялся, живописуя своё бедственное положение, проговариваясь при этом, что не скупится при покупке шейных платков и прочих предметов одежды, да и, судя по всему, он не отказывал себе в еде, в отличие от скромных службистов, погрязших в ничтожных трудах.

Литературовед Шенрок преподнёс нам в виде протокольной правды то, что слетало с уст Хлестакова – простите, то, что легко соскальзывало с пера сочинителя Гоголя, и литературоведы следующих поколений переносили в свои писания вроде как обоснованные утверждения Шенрока о страшных петербургских ценах и разных мелочных дрязгах и что бедный Гоголь оказался в такой нужде, что был не в состоянии заказать себе тёплую одежду: всю зиму бедный юноша отхватал в летней шинели.

9

Дело ещё сильнее запутывается от показаний Тимофея Григорьевича Пащенко, знавшего Гоголя по Нежинской гимназии. Записанные литератором Виталием Пашковым, они были опубликованы в петербургской газете «Берег» 18 декабря 1880 года:

«По выходе из лица Гоголь, Данилевский и Пащенко (Иван Григорьевич) собрались в 1829 году ехать в Петербург на службу. Трощинский дал Гоголю рекомендательное письмо к министру народного просвещения. Вот приехали они в Петербург, остановились в скромной гостинице и заняли в ней одну комнату с передней. Живут приятели неделю, живут и другую, и Гоголь всё собирался ехать с письмом к министру; собирался, откладывал со дня на день, так прошло шесть недель, и Гоголь не поехал... Письмо у него так и осталось».

Подождите, мы ведь знаем, что спутником Гоголя был только Александр Семёнович Данилевский (помимо Якима, который для большинства исследователей почти мёртвая душа). Нам же рассказывали: Дмитрий Прокофьевич Трощинский, живший в Полтавской губернии, осенью 1828 года, ещё до отъезда Гоголя из родных мест, писал в Петербург Л. И. Голенищеву-Кутузову, рекомендуя Гоголя, тот ответил ему, что ждёт молодого человека и обещает быть ему другом и путеводителем; потом Трощинский вручил Гоголю второе письмо, дабы передать Кутузову в собственные руки. Но Логгин Иванович Кутузов, хотя и немало важный человек, не имел отношения к народному

просвещению! Он, генерал-лейтенант и член Российской академии, с 1827 года возглавлял Учёный комитет Морского министерства.

По статье в газете «Берег» провинциальных пришельцев было трое, и они не квартиру сняли у Галибина или Трута, но остановились и проживали в скромной гостинице. Обратите внимание, что Пащенко рассказывает не о своих личных впечатлениях. Его зовут Тимофей. Он передаёт то, что вроде как слышал от брата Ивана, который якобы сопровождал Гоголя в Петербург. Иван поведал Тимофею, и его рассказ был записан, со слов Тимофея, третьим лицом, Виталием Пашковым, который сработал статейку для газетки «Берег». Будучи плохоньким, но всё же литератором, Пашков, очевидно, художественно обработал материал для газетки, подлаживаясь к её направлению и требованиям, и он вполне мог украсить неправдоподобный рассказ Тимофея отсебятиной. Воспоминания Ивана Пащенко в чужих пересказах явились в печати в 1880 году, через полвека после приезда Гоголя в Петербург. Вместо того чтобы сильно усомниться и статейку отвергнуть, уважаемый Владимир Иванович Шенрок воспроизводит её в своей работе «Ученические годы Гоголя», и она, статейка, попадает в число письменных памятников.

Доверяя газетчикам, которым никогда нельзя доверять в полной мере, Шенрок делает свои выводы по поводу рекомендательного письма, министру просвещения не доставленному:

«Непредприимчивость Гоголя в данном случае происходила, вероятно, от несочувствия к самому предмету ходатайства, так как с увлечением он мог приниматься за такое дело, в котором видел осуществление своей заветной цели, тогда как ко многим родам деятельности он относился равнодушно...» В этом мы согласимся с Владимиром Ивановичем: юный Гоголь не сочувствовал юстиции и был равнодушен к народному просвещению – в том смысле, что его не привлекало служить на этих поприщах, переписывая – привожу его собственное признание – старые бредни и глупости господ столоначальников.

Я позволил себе пренебрежительные выпады против периодического издания «Берег»: мол, это газетка, в газетке тиснули статейку... Потому что, листая старую и просматривая иногда новую прессу, я вижу: часть напечатанного является звоном, который кто-то слышал, но не понял, откуда он, о чём и по какому поводу, и какие-то сведения, извините за грубость, высосаны из пальца, взяты с потолка и притянуты за уши. Кстати, Николай Васильевич Гоголь заметил и высмеял эту особенность: в газетах появляется много не-

сообразностей. Помните, майор Ковалёв собрался припечатать о сбежавшем носе, но получил отказ от чиновника в газетной экспедиции:

«– Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах, – сказал он наконец после долгого молчания.

– Как? отчего?

– Так. Газета может потерять репутацию. Если всякий начнёт писать, что у него сбежал нос, то... И так уже говорят, что печатается много несообразностей и ложных слухов».

Газета «Берег», затеянная властями для поддержки действий, властями же принимаемых, и для восхваления решений от властей исходящих, сразу прослыла официозной. По причинам, которые нам неведомы, означенное периодическое издание просуществовало менее года. И можно только гадать, какими соображениями и целями руководствовался издатель, вспомнив неизвестно по какой причине Гоголя и заказав материал господину Пашкову; хотя в статейке вымысел не доходит до пропажи носа с чьей-либо физиономии, мы смело называем статью Пашкова несообразной и ложной.

Свидетельство, идущее через Пашкова вроде как от Тимофея Григорьевича Пащенко, воспроизвёл в двадцатом веке и Вересаев в академическом издании «Гоголь в жизни». Да, в предисловии Вересаев предупредил нас, что и к этим воспоминаниям следует относиться осторожно. Он предупредил, но показания не отверг и, со ссылкой на Шенрока, напечатал. Я же в дополнение к выказанным сомнениям предлагаю обратить внимание на следующее: братья Пащенко были младшими соучениками Гоголя в Нежинской гимназии. Они окончили оную в 1830 году. Младшие! Ежели так, Иван никак не мог отправиться в Петербург вместе с Гоголем и Данилевским в 1828 году, ибо ему предстояло ещё доучиваться в названном учебном заведении.

Опираясь на книгу Шенрока, известнейшего собирателя материалов о жизни и творчестве Гоголя, последующие исследователи передают ложное свидетельство Пащенко в своей, скажем так, обработке и со своими замечаниями. Я видел ссылку на воспоминания Тимофея Григорьевича в научной статье, где уточняется имя тогдашнего министра народного просвещения: мол, Гоголь имел рекомендательное письмо к самому Карлу Андреевичу Ливену!

Представьте: Карл Андреевич ждёт в подвластном министерстве юношу из полтавской Васильевки... А кто Гоголя рекомендует, письмо от кого? Так Пащенко ведь сказал: от Трощинского! Как так?

Трощинский не только Логгина Ивановича Кутузова обеспокоил, но и светлейшего князя Ливена? И светлейший князь дожидается, а Николенька Гоголь, приехавший в столицу из деревни вроде как служить, но к службе, как заметил Шенрок, сочувствия не испытывавший, не изволил явиться: «так прошло шесть недель, и Гоголь не поехал... Письмо у него так и осталось».

Что за ахинея!

10

Когда Шенрок отмечает, что Гоголь не был создан для чиновничьей службы, я не могу не согласиться, и я принимаю это как объяснение, почему Гоголь не устроился на работу ни в январе 1829 года, ни в феврале... Вот уже и март проходит. В апреле он отписывает матушке, что переменял прежнюю свою квартиру. Переехал в дом Зверкова близ Кокушкина моста? Нет, к Зверкову он переберётся позже, в ноябре, сейчас он селится в доме каретного мастера Иохима на Большой Мещанской. В письме Гоголь благодарит мать за присланные деньги, он жалуется, что сильно нуждался, докладывает, что отказывался почти от всех удовольствий, обедал и питался не слишком роскошно... Это уже второй или третий адрес Гоголь меняет? Ведь каждый переезд сопряжён с расходами – особенно нежелательными для человека с неплотным карманом. Карман, как мы видим, уплотняется время от времени: добрая мать присылает сыну деньги. А она откуда берёт? На неё, выполняя своё божественное предназначение, работают крепостные мужики. Чтобы барин более роскошно питался. А он, только поселившись на Мещанской, уже задумывается о следующем переезде, ибо:

«Я живу на четвертом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно. Когда еще стоял я вместе с Данилевским, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что тогда платили пополам, за то самое теперь плачу я один». Складывается мнение, что Гоголь вообще ничем себя не утруждает, только покупает очередные сапоги и перчатки, питается и прогуливается по городу, ибо, как он сообщает матери, в Петербурге много гуляний. Но из недавно появившегося исследования я узнал, что Гоголь, вселившись в новую квартиру, занимался творчеством: «Именно тут, в комнате № 14, пишет он свою первую поэму «Ганц Кюхельgarten». Изданная под псевдонимом В. Алов, поэма не имела большого успеха...» Только в самом издании, если вы помните, чётко указано: «Писано в 1827 году» – Гоголь создал сию идиллию в картинах ещё когда

учился в Нежинской гимназии, а не ютился в Петербурге у каретника Иохима.

Ютился? Я намеренно использую словечко из лексикона гоголеведов, когда они описывают петербургский период в жизни Гоголя: ютился, нуждался, бедствовал... Мы уже слышали, что Гоголь с Данилевским сначала в какой-то скромной гостинице приткнулись, вдвоём в одной комнатке, или даже троём, если верить рассказам Пашенко, и по поводу жилья в доме каретника нам тоже рисуют жалкую картину: мол, Гоголь «снял тесную квартирку под самой крышей на четвёртом этаже, вход был со двора по крутой лестнице».

11

Шенрок обратил внимание на то, что сообщения, поступавшие в Васильевку от Гоголя из Петербурга, сбивают с толку корреспондентку, то есть Марию Ивановну, его мать.

«В самых письмах, большею частью значительных по объёму, много недомолвок и сообщений настолько неясных, что даже корреспондентка Гоголя не раз затруднялась удовлетворительным пониманием и, случалось, настаивала на более подробном и обстоятельном разъяснении того, о чём Гоголь упоминал сначала только мимоходом. Наконец, положение Гоголя, неопределённое и неустановившееся, в связи с несколько смутным мирозерцанием, служит немалым затруднением для разъяснения многих живших в нём противоречий, оставшихся большею частью неясными для него самого в продолжение всей жизни. В рассматриваемое время Гоголь решительно не знал, как распорядиться собою и к чему себя пристроить».

Шенрок верно определил, что положение Гоголя в обсуждаемый период было неустановившимся, Шенрок обратил внимание на его смутное мирозерцание, но он, Шенрок, хотя и узрел недомолвки и неясности в гоголевских письмах, сам явно подпал под обаяние гоголевских приукрашиваний, перемежающихся с очевидными прибеднениями, и заложил основы в создание печальной картины, где у Гоголя лишь кое-какие небольшие деньги, и он ютился в жалких каморках чуть ли не на чердаке.

Кроме того, Шенрок без оговорок воспроизвёл путанные, неуверенные и ложные показания некоторых особ, присоседившихся к славе Гоголя, и по сему даже совсем несообразные байки приобрели силу надёжных свидетельских показаний. Мы слышим от Шенрока повтор выдумки, идущей от братьев Пашенко вкупе с газетчиком Пашковым, будто Гоголь имел несколько рекомендаций и будто они завалились у него в кармане.

«Первое время по приезде в Петербург было употреблено Гоголем на всевозможные хлопоты об устройстве. Впрочем, по крайней беспечности у него без пользы пролежали в кармане несколько рекомендательных писем. Вначале у него ещё были кое-какие небольшие деньги, но их было мало, и приходилось в первый раз в жизни серьёзно позаботиться о своей судьбе. Только что оправился он от простуды, как немедленно пошёл к Логгину Ивановичу Кутузову, к которому имел рекомендательное письмо от Д. П. Трощинского. По словам А. С. Данилевского, Кутузов принял его очень хорошо, обласкал, сразу перешёл с ним на ты и пригласил его часто бывать у себя запросто, хотя этим почти всё и ограничилось».

Владимир Иванович сам запутался и как-то неясно излагает: у него крайне беспечный Гоголь совсем забыл о рекомендательных письмах, но тут же мы слышим, что юноша немедленно идёт к Кутузову – естественно, с рекомендательным письмом. Или следует понимать, что у него без пользы осталось послание к Ливену, министру просвещения? Потом, ежели Кутузов его обласкал, ежели проявил гостеприимство, почему Николенька уже во второй половине января не трудоустроен? Слова Шенрока: «этим почти всё и ограничилось» звучат как некое обвинение в адрес Кутузова: тот обласкал, но хорошее место Гоголю не обеспечил, такое, где денег много платят и работой не обременяют. Шенрок свои собственные выводы запомнил: Гоголь «ко многим родам деятельности относился равнодушно», Гоголь «с увлечением мог приниматься за такое дело, в котором видел осуществление своей заветной цели». Кутузов, скорее всего, предложил юноше помощь в устройстве на службу, но, понятное дело, любая служба начиналась с нижних чиновничьих ступеней, к осуществлению гоголевской заветной цели не ведущих.

Здесь, отставив гадания, дадим слово самому Гоголю.

Уже май 1829 года, он живёт на Большой Мещанской, ему якобы предложили место с годовым жалованьем в тысячу рублей... Но вот ведь: тогда придётся продать своё здоровье и не иметь свободного времени! Замечательное признание человека, который до отъезда в Петербург расписывал, видимо подольщаясь к Трощинскому, возглавлявшему в прошлом министерство юстиции, что и он, Николай Гоголь, стремится служить на поприще юстиции. Послушайте и судите сами: сын, пятый месяц жалующийся матери на нехватку денег, сообщает ей раздражённо, что он не намерен заниматься переписыванием чьих-либо

старых бредней. Начинается послание, впрочем, со следующей неожиданной новости:

«Нынешние известия письма моего не будут слишком утешительны для вас, почтеннейшая маминька. Мои надежды (разумеется, малая часть оных) не выполнены <...>. Всё состоялось в следующем: мои небольшие способности были призрены, и мне представлялся прекрасный случай ехать в чужие края. Это путешествие, сопряженное обыкновенно с величайшими издержками, мне ничего не стоило, всё бы за меня было заплачено, и малейшие мои нужды во время пути должествовали быть удовлетворяемы. Но вообразите мое несчастье, нужно же этому случиться. Великодушный друг мой, доставлявший мне все это, скоростижно умер, его намерения и мои предположения лопнули. И я теперь испытываю величайший яд горести, но она не от неудачи, а оттого, что я имел одно существо, к которому истинно привязался было навсегда и небу угодно было лишить меня его...»

Здесь возникают новые непреодолимые затруднения с удовлетворительным пониманием. Мария Ивановна не раз впадала в растерянность от сообщений сына: «Я не знаю, что он под этим понимает». Она не поняла, и все гоголеводы разделяют недоумение Шенрока, который назвал отважным вымыслом сообщение Гоголя о каком-то великодушном друге и покровителе. Предположение об Андрее Андреевиче Трощинском, двоюродном дяде, отпадает, ибо тот не умирал скоростижно в 1829 году, он ещё два десятка лет жил и здравствовал. Я считаю весь зачитанный отрывок выдумкой сродни хлестаковским завирааниям, при этом, как мне кажется, в качестве объяснения можно положиться на слова самого Гоголя, когда он даёт характеристику своему герою:

«Хлестаков вовсе не надувает; он не лгун по ремеслу, он сам позабывает, что лжёт, и уже сам верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе, видит, что всё идет хорошо, его слушают – и по тому одному он говорит плавнее, развязнее, говорит от души, говорит совершенно откровенно и, говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть...»

После горестных восклицаний о несостоявшемся путешествии неизвестно куда и за чей счёт Гоголь сообщает великодушной маминьке по поводу трудоустройства: «Мне предлагают место с 1000 рублей жалованья в год. Но за цену ли, едва могущую выкупить годовой наем квартиры и стола, мне должно продать свое здоровье и драгоценное время? и на совершенные пустяки, на что это похоже? в день иметь свободного вре-

мени не более как два часа, а прочее время не отходить от стола и переписывать старые бредни и глупости господ столоначальников и проч. <...> Итак, я стою в раздумьи на жизненном пути. <...> Может быть, на днях откроется место немного выгоднее и благороднее, но признаюсь, ежели и там мне нужно будет употребить столько времени на глупые занятия, то я – слуга покорный».

Гоголь проговорился, что не желает пачкать руки пустяками, тратить своё драгоценное время на старые бредни, портить себе здоровье глупыми занятиями, но гоголеводы рассказывали и продолжают рассказывать нам, как он рвался служить отечеству и был готов трудиться даже не ради славы, а ради денег.

Предсказуемо, что, напустив туману и взволновав маминьку своим величайшим ядом горести, Николай Гоголь заканчивает своё майское письмо той же просьбой:

«Наконец я принужден снова просить у вас, добрая, великодушная моя маминька, вспомоществования. Чувствую, что в это время это будет почти невозможно вам, но всеми силами постараюсь не докучать вам более, дайте только мне еще несколько времени укорениться здесь, тогда надеюсь как-нибудь зажить своим состоянием. Денег мне необходимо нужно теперь триста рублей».

Некоторые канцелярские писцы получали даже не пятьсот или шестьсот, как я говорил выше о рядовых чиновниках, им платили триста рублей в год... В письме прозвучал глагол укорениться, и мне подумалось, что Николай Васильевич Гоголь не был создан для оседлой жизни. Он не пустил корни где-либо, начиная с родных мест и включая Петербург. Он колесил бесконечно по городам и весям, в том числе заграничным. Он переезжал с одной съёмной квартиры на другую, он гостил у разных людей в разных населённых пунктах, но нигде не прижился и не обжился. Гоголь и умер, приехав на время в Москву, обретаясь в качестве гостя в чужом доме.

12

Письма Гоголя публиковались подчас в сокращённом виде, иногда с выборкой или устранением фраз, определённого издателю угодных или негодных, и это сказывалось, естественно, на суждениях и выводах, которые делались последующими исследователями. Ознакомившись с полным текстом послания, которое было отправлено из Петербурга в Васильевку третьего января 1829 года, мы узнаём, что Николай, вопреки утверждению Данилевского, не сидел безвылазно

в четырёх стенах из-за простуженного носа. И сам Гоголь, похоже, только ради красного словца ввернул, что поджал руки и около недели ничего не делает. Он узнал о болезни Логгина Ивановича Кутузова – не иначе как от его домочадцев, наведавшись по нужному адресу. У Гоголя имелись письма для передачи каким-то знакомым, и, очевидно, он съездил в разные места, но сразу застал дома только дядю, Ивана Трощинского, и, как мы слышали, оставил о нём неодобрительный отзыв. Эти незначительные неудачи возведены чувствительным юношей в сокрушительные удары судьбы: «На меня напала хандра <...> Не от неудач ли это, которые меня совершенно обравнодушили ко всему». Будучи обравнодушенным, он всё же собирается к Кутузову: «Теперь узнал я, что ему легче, и послезавтра предстану».

Выскажу предположение, что те письма, которые имел Гоголь, были простыми посланиями от каких-то полтавских знакомых для передачи петербургским знакомым, но они с подачи Тимофея Пашенко превратились в пачку рекомендаций – и будто оные без пользы пролежали у него в кармане.

Вот фраза из январского письма, которую мы не читали: «Съестные припасы также не дешевы, выключая одной только дичи (которая, разумеется, лакомство не для нашего брата). Картофель продается десятками, десяток луковиц репы стоит 30 коп...» Отточие после 30 копеек, видимо, указывает на пропущенные при переписывании и навсегда утраченные слова. Деепричастие выключая значит, по-моему, за исключением, но тогда фраза не имеет смысла: продукты дорогие, кроме дичи, которая особенно дорогое лакомство. Стоимость репы, очевидно, сообщил барину Яким, крепостной слуга, обеспечивающий ему стол. Ему, слуге, не полагалось сидеть, поджав руки, предаваться отчаянью и сетовать, что, приехав в Петербург, он оказался как в пустыне.

13

В книге «Гоголь в жизни», в предисловии, Вересаев пишет: «Источником очень ненадёжным, которым можно пользоваться лишь с величайшей осторожностью, являются письма самого Гоголя. Просто невероятно, до чего он всё время фальшивит в письмах, какие неверные сообщает о себе сведения; часто совершенно даже невозможно понять, для чего это он, – никакой, по-видимому, нет причины, только непреодолимая склонность к мистификациям и тончайшей дипломатии. Самую малую ценность имеют, конечно, записи со слов разных старожилов...» Раздражение Вересаева,

на мой взгляд, чрезмерно – по поводу частной переписки и семейных отношений давно умершего человека; негодовать уместно, когда даются ложные показания в суде, и это сказывается на приговоре. По поводу старожилов я повторю своё возражение: Вересаев пренебрежительно отозвался к их показаниям: они, мол, имеют малую ценность, но он сам повторил совершенно малоценные воспоминания, исходящие, например, от братьев Пашенко, их рассказы снова и снова всплывают в статьях о Гоголе и в путеводителях по гоголевским местам.

Следует также заметить: склонность к мистификациям, которая приводит в недоумение или даже раздражает в письмах Гоголя, есть проявление его природной тяги к сочинительству, и когда мы читаем не его письма, а художественные произведения, нас привлекает в них именно безудержный вымысел – привлекает в большей степени, чем правдивое бытописание других авторов. Историю о том, как нос майора Ковалёва, отделившись от его лица, пустился в самостоятельные приключения по стогнам Северной Пальмиры, мог придумать именно такой человек, чей приезд в Петербург и первые дни проживания в Петербурге так и остались для нас загадочным событием: где именно он остановился, куда ходил или не ходил, кого-то навещал или не навещал, что-то покупал или не покупал, какие планы строил и какие мысли вынашивал.

Кроме тех противоречивых показаний, с которыми мы ознакомились, существует ещё одна прелюбопытнейшая история: тотчас по приезде в Петербург провинциальный пришелец отправился к Пушкину! Об этом поведал в своё время Павел Васильевич Анненков в «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина» – в сноске, как дополнение к истории знакомства двух замечательных литераторов.

«Не можем удержаться, чтоб не привести здесь забавного рассказа самого Гоголя о попытках его познакомиться с Пушкиным, когда он ещё не имел права на это в своём звании писателя. Впоследствии он был представлен ему на вечеру у П.А.Плетнёва, но прежде и тотчас по приезде в С.-Петербург (кажется, в 1829 году) Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал всё его воображение ещё на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и наконец у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал рюмку ликёра... Подкреплённый им, он снова возвратился на приступ, сме-

ло позвонил и на вопрос свой: «Дома ли хозяин?» – услышал ответ слуги: «Почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно всю ночь работал?» – «Как же, работал, – отвечал слуга, – в картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесённый школьной идеализации его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окружённого постоянно облаком вдохновения».

Обычно сей анекдот приводят по Вересаеву, по его книге «Гоголь в жизни» (изданной в 1933 году), где он напечатан со следующей ссылкой: «П.А. Анненков со слов Гоголя. Материалы для биографии Пушкина. Изд. 2-е, 1873». Текст у Вересаева слегка отличается от того, что я привёл только что. Объясню: я сделал выписку напрямую из «Материалов для биографии Александра Сергеевича Пушкина», как они были изданы Анненковым впервые в 1855 году. Где Анненков, не удержавшись, повторяет рассказ самого Гоголя, при этом он называет услышанное забавным, тем самым предоставляя читателю верить или не верить. В сборнике Вересаева цитата начинается со слов: «Тотчас по приезде в Петербург Гоголь, движимый потребностью видеть Пушкина, который занимал всё его воображение ещё на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему». Таким образом, забавный рассказ, который, скорее всего, был выдуман Гоголем от начала до конца, видится уже как факт: Гоголь так рвался увидеть великого поэта, что тотчас по приезде нанёс ему визит. Хотя, если верить рассказу, Гоголь отправился к Пушкину всё-таки из дома – успев быстро расквартироваться то ли у Галибина, то ли у Трута, то ли в дешёвой гостинице. Значит, он не отморозил нос при подъезде к Петербургу, как утверждал Данилевский, и, видимо, именно для визита к прославленному поэту он, заскакивая по дороге в магазины, купил и надел новый фрак, панталоны, шляпу, сапоги и перчатки. И нанял извозчика? Нет, у Анненкова он вроде как пешком отправился. Можно домыслить, что в кармане по-быстрому перешитой шинели у него не многочисленные рекомендательные письма лежали, а рукопись «Ганца Кюхельгартена», написанная ещё на гимназической скамье. Иначе как объяснить Пушкину цель своего прихода? Явиться и брякнуть: я только что из Васильевки, можно на вас посмотреть, Александр Сергеевич? Нет, предлог есть: Гоголь достаёт свою идиллию и приступает к чтению, он читает и читает... В напечатанном виде «Ганц Кюхельгартен» растекается на целых семьдесят страниц. Пушкин, конечно, имеет право взмолиться и прервать гостя:

довольно! Но в радужных мечтах начинающий литератор представляет, очевидно, как маститый поэт приходит в неопишное восхищение, начинает бить в ладоши и кричать: Ай да Гоголь! Ай да молодец! Не знаю, как вам, а мне забавный рассказ напомнил замечательную сцену в «Ревизоре», когда завравшийся Хлестаков, приписав себе «Женитьбу Фигаро», «Роберта-Дьявола», «Норму» и «Юрия Милославского», хвастает о знакомстве с Пушкиным:

«Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: Ну что, брат Пушкин? – Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то всё... – Большой оригинал».

14

Не так давно мне встретился материал о Гоголе в Петербурге – напечатанный в газете, в современном издании куда более жизнестойком, нежели «Берег» столетней давности (просуществовавший менее года). А секрет жизнестойкости и долголетия заключается в том, что вы скармливаете широкому читателю новые любовные похождения и новые скандальные высказывания, исходящие от записных знаменитостей (когда не имеется новых, пережевываются старые). И к ним, к скандальным похождениям и высказываниям, в газете был подвёрстан материал о нашем знаменитом литераторе, то ли привязанный к какой-то дате, то ли задуманный как приобщение к великой русской культуре – не всё же сплетнями, несообразностями и ложными слухами питаться! – и я приведу лишь несколько строк, имеющих отношение к сегодняшней теме:

«О жизни в городе на Неве Николай Васильевич мечтал со школьной скамьи. Однако Санкт-Петербург отчаянно не хотел принимать будущего творца, до последнего провоцируя и посылая испытания. <...> Тех денег, что ему дала маменька, хватало лишь на то, чтобы поселиться в комнатах с окном во дворы-колодцы <...>. Из-за болезни не смог вовремя прийти к петербургскому генерал-губернатору Голенищеву-Кутузову с рекомендательными письмами. А позже никак не мог его застать дома и перестал ходить. Даже встреча с Пушкиным обернулась анекдотом. Молодой человек, набравшись храбрости, пошёл к нему в гостиницу и застал опочивающим в пять часов дня. Романтичный юноша предположил, что Александр Сергеевич творил всю ночь. Но слуги со смехом рассказали, что барин играл в картишки. Больше Гоголь к нему не приходил...»

Такое вот приобщение к культуре и даже вклад, если хотите, в гоголеведение, ибо налицо новизна: теперь не Гоголь, а Пушкин проживает в гостинице, и у него несколько слуг. Оказывается, провинциальный пришелец имел сразу несколько рекомендательных писем к самому Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову! Он, военный генерал-губернатор Петербурга, был особой куда более значительной, чем Логгин Иванович, носивший такую же фамилию, и, думаю, фигурой более влиятельной, чем Карл Андреевич Ливен, возглавлявший народное образование.

Но пора поставить точку, ибо, во-первых, мне уже неловко. Люди старались, собирали материалы, писали, печатали, я же в роли злопыхателя добавляю по ложке дёгтя в их труды.

Во-вторых, Гоголю уже столько раз, как говорится, перемывали кости, его жизнь стала предметом стольких досужих разговоров и нелепых сплетен, что я со своим очерком невольно подпитываю праздное любопытство к его личности. Бедный литератор, фигурально выражаясь, в гробу перевернулся бы, услышав, сколько тайн обнаружили в его жизни, сколько загадок усмотрели в его творчестве дипломированные и доморощенные гоголезнавцы.

Вместо того чтобы читать его произведения, не по принуждению, конечно, не по чужому велению, а по своему хотению, те из них какие кому нравятся, или не читать, если ничего не нравится, мы всё тревожим и тревожим его прах – в переносном смысле, я имею в виду, хотя было и

такое, что на могилу Гоголя явились люди с кирками и лопатами и без всяких иносказаний и речевых фигур выкопали, не испытывая никакой неловкости, его останки и, ничуть не смущаясь, перевезли на новое место, то ли полностью, то потеряв часть останков по ходу своих земляных работ, предпринятых (при поддержке одних, с молчаливого согласия других и при безразличии третьих) по указу тогдашних вождей, решивших, что, выкорчёвывая старые надгробия и ликвидируя старинные кладбища, они расчищают место для созидания небывалой, сказочно-счастливой жизни.

□

Константин Борисович ВАСИЛЬЕВ

живет в Санкт-Петербурге.

Окончил Ленинградский университет.

*Его первые очерки, рассказы и переводы
печатались в журнале «Костер».*

*Филолог по образованию,
написал ряд пособий по английскому языку,
в издательствах «Эксмо» и «Астрель»
выходили его самоучители «Легкий английский»,
«Полезный английский» и «Живой английский»,
школьный курс «Ваш любимый английский».*

*Готовил к печати книжные серии «Русская словесность»
и «Наследие» для издательства «Азбука».*

